

ПРОЛОГ

Мглистое утро... По пустынному берегу уныло бредут двое молодых мужчин. В их движениях безнадежность, а в руках – лопата. За ними неотвязно, будто рок, тянутся по песку их глубокие отпечатки. Следы идут вдоль побережья и исчезают в седом тумане. Нехотя поднимается солнце...

Наконец люди останавливаются. Сменяясь, они сосредоточено выкапывают две ямы. На мгновение сталкиваются взглядами... Леденящий душу ужас пронзил бы каждого, кто мог бы увидеть их в этот момент. Но вокруг безлюдно. Несчастные, порывисто обнявшись, горько прощаются, а затем умерщвляют друг друга.

Предполагаемый свидетель нашел бы теперь лишь два трупа, неловко лежащих в вырытых ими же могилах. Но только большой серый камень в морщинах, избородивших его поверхность, оказался безмолвным очевидцем этой трагедии.

**ЧАСТЬ I,
в которой зрители, как,
впрочем и авторы, еще ни о чем
не догадываются**

Прошли часы, дни, месяцы... И вот перед нами снова пустынный песчаный берег. Невдалеке тот же большой камень – вечный безмолвный страж, навсегда подавленный тяжестью своего собственного бытия. Но его не разглядеть, потому что наступила ночь. Непрозрачно небо, не блещут звезды, но с земли мерцают призрачные огоньки, очень похожие на кладбищенские, которые, отражаясь в осколке неосторожно разбитой бутылки, чуть освещают непонятный предмет, торчащий из песка.

Неожиданно на этом безрадостном фоне появляются двое молодых людей – они юноша и девушка. Это радует, но вместе с тем и настораживает зрителя – что им нужно здесь в глуши в этот поздний час, когда все мирные люди на Земле уже ложатся спать?

Но им ничего этого не нужно. Да и что может быть нужно счастливым влюбленным?! Смеясь и играя, они располагаются вблизи зловещего места и шутя разрывают песок, строя из него шалаши и замки. Но что это?! Из потревоженной зыби явился непонятный предмет. Еще немного усилий, и влюбленные извлекают лопату. Тогда, отложив свои любовные игры, молодые люди всерьез начинают заниматься раскопками. Вскоре они, побледневшие от испуга, извлекают полуистлевшую куртку, из которой вываливается коробка монпансье. Но в ней вместо конфет какая-то бумажка. Расположившись поудобней на коленях друг у друга, увлекаемые любопытством и страхом, наши юные друзья приступают к чтению записки.

О, зачем они сделали это?! Спустя минуту влюбленные бессильно роняют записку и застывают в безысходной тоске. И уже ничто не в силах помочь им. Придя в себя, юноша и девушка, рыдая, прощаются друг с другом и с этим еще совсем недавно прекрасным миром. Потом юноша выкапывает широкую могилу, девушка с любовью устилает ее дно цветами, и влюбленные, только что бывшие такими счастливыми, умерщвляют друг друга...

Но как, в отличие от читателя, перенести всю эту сцену зрителям? Этого мы не знаем! Знаем лишь, что кроме них, в страхе прижавшихся друг к другу в напряженной темноте зрительного зала, эту сцену видит еще один человек. Все это время он скрывался за камнем. Думая, что его никто не замечает, человек бросается к зловещему месту, хватая безобидно лежащую записку, отряхивая с нее землю, сует под плащ, и исчезает в тумане.

Туман постепенно рассеивается, и мы видим этого человека, идущего с плащом на руке по крупному населенному пункту N. Камера поднимается, взлетает, и с высоты ее птичьего полета этот человек уже как точка, на вид совсем не отличающаяся от множества других точек – это так понятно математику – но, может быть, его вовсе и нет среди зрителей, которые просто восхищаются представшей на экране панорамой прекрасного города с его недавно перепланированными парками, финскими банями, новопостроенным оперным театром и другими общественными местами.

НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО БЕДЫ.

И как бы в подтверждение этого, зрители видят оживленную улицу, по которой, как всегда некстати, спешат наши замечательные городские девушки, сосредоточенно ходят юноши и ездят автомобили. И вот среди этого разнообразия жизни появляется уже известная нам угрюмая фигура незнакомца. Он тоже идет. И не просто идет, а идет в одно общественное место. В руках у него газета – и на первый взгляд кажется, что идет он туда для того же, для

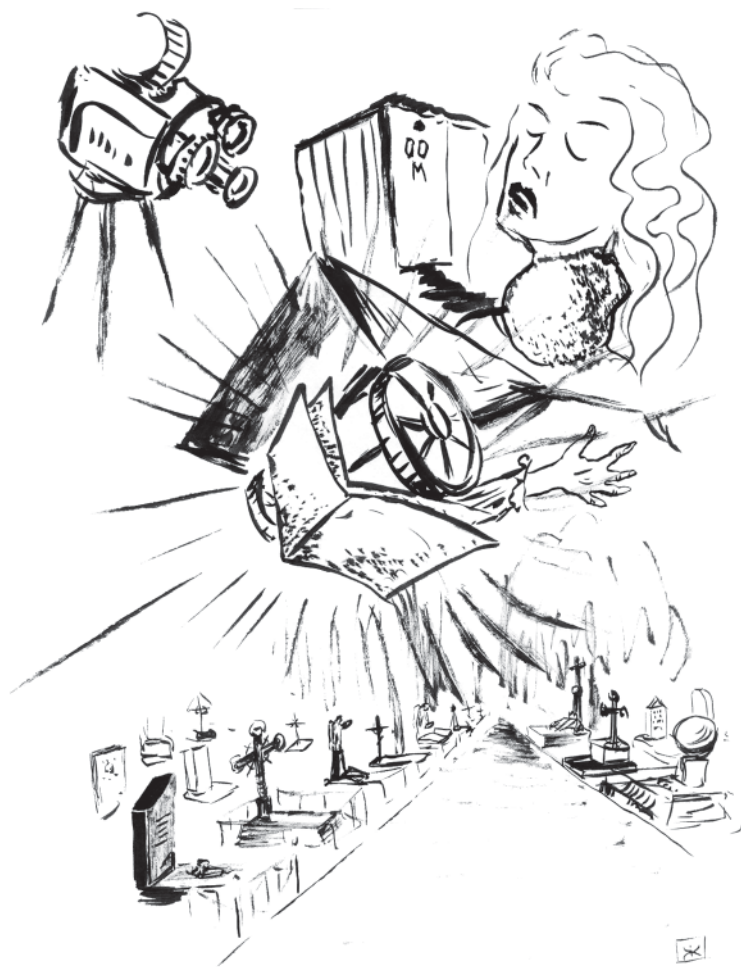
чего ходят в это отличное место отдыха тысячи других хороших и разных людей. Но это доподлинно не так, что видно хотя бы из того, как тщательно запирает он за собой дверцу. Затем он достает зловещую бумажку и приступает к чтению... Этот злосчастный ревнивец, следивший за своей возлюбленной на пустынном берегу, после прочтения записки ужаснейшим способом кончает с собой.

Снежный ком, катящийся с величайшей горы всех времен и народов Джомолунгмы (Эверест), не может сравниться с той необузданной быстротой, с которой развивались дальнейшие события нашей хроники.

Достаточно вспомнить хотя бы душераздирающую историю прекрасной молодой женщины, которая случайно прочла эту бумажку вместо записки любовника. Она удавилась, проглотив пудовую гирию. Любовник же, который из любопытства подобрал этот роковой листок в туалете, скончался за час до нее в избранных им ужасных корчах и муках. Воскресим в памяти трагическую кончину простой и доброй женщины – дворничихи тети Паши, случайно прочитавшей эту таинственную записку на мусорнике. Лучше бы она не кончала университета. Но она умела читать... Эта женщина умерла под колесами своей мусорной тачки!

Всюду, куда бы ни попадала зловещая записка – она сеяла самоуничтожение и смерть. Зрители видят, как на глазах вырастают могилы ее жертв. Их – целое кладбище. На некоторых могилах надгробья с волнующими душу надписями. Сквозь комок, подступивший к горлу, зрители читают на одном: «Ну вот и все ...» Сквозь слезы, застилающие глаза, на другом: «Сплю спокойно» и подпись: «Дорогой товарищ».

Но зрителю не спокойно. Непокойно и в городе. Зрители видят панораму, развернувшуюся от городского кладбища до центральных улиц. Город словно погрузился во мрак. Всюду пустынно. Насмерть перепуганные случай-

ные прохожие шарахаются от любой бумажки или просто предмета, лежащего на тротуаре, – ведь это может быть та роковая записка. Слабовольные завязывают себе глаза, и их веренищей водят по улице профессиональные слепые.

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ.

По улицам, прежде переполненным прекрасными юными созданиями, теперь передвигаются лишь дряхлые неграмотные старухи, с зелеными от страха лицами. Однако изображение пока черно-белое, и зрители не могут различить цвет лиц. Многие вообще уже ничего не видят. Поэтому в зале временно зажигается свет, чтобы вынести лежащих в обмороке и ободрить бьющихся в истерику. Постоянно дежурящие у кинотеатра машины «Скорой помощи» делают свое дело. Из зала уводят также и самых слабых из сильного пола – наших мальчиков. Они не должны знать всего этого.

Неожиданные эксцессы, которых могло и не быть, если бы администрация кинотеатра заранее позаботилась об отборе зрителей, несколько отвлекли истинных ценителей искусства от нашего правдивого повествования. А тем временем события продолжали неумолимо развиваться. Крупнейший завод города не выпустил очередную партию холодильников*, а любители не собрались у городского почтамта, хотя одноименная команда выиграла на выезде благодаря ее новому тренеру, дипломированному инженеру Лобачевскому.

ПО ГОРОДУ ПОПОЛЗАИ СТРАШНЫЕ СЛУХИ.

Зрители видят множество перекошенных ртов, шепотом кричащих в телефонные трубки, и ушей, с жадным трепетом вслушивающихся в каждое колебание мембраны.

На мгновение экран гаснет (видимо, по вине кинемеханика), а когда зажигается снова – перед публикой богато, но и не без роскоши обставленная комната и двое еще довольно молодых людей, сидящих на мягком пуховом диване. Напротив дивана – большой письменный, старинной работы, стол. Над столом вдоль стены тянутся пол-

ки с дефицитной литературой. На ковре над диваном висит острый, ярко-красный кинжал из червонного золота. (Зрители с удовольствием отмечают появление отдельных цветов в доселе безрадостном черно-белом фильме). Новейший японский магнитофон марки «Эльфа-65» мягко наяривает стилизованную музыку*. И по тому, как свободно и раскованно ведут себя присутствующие в комнате, становится ясно, что хозяина в квартире нет.

Молодые люди о чем-то громко спорят, размахивая друг перед другом колодой атласных карт. Поскольку мы ничего не знаем о них, назовем их просто: Петр и Сидор. Это – плохие люди, и мы ясно видим эту надпись на экране. Становится понятным, что если они и не замышляли ничего плохого, то должны сделать это как можно скорее. И вот Сидор решительно выхватывает у Петра какую-то карту и быстро кладет ее на диван рубашкой вверх. (На рубашке, разумеется, неприличная картинка). В ту же секунду в комнату входит прелестная девушка, обнаженная, да будет уместно показать при дамах, до колен. Сидор и Петр обращиваются, долго и настойчиво глядя на нее непристойно жгучим взглядом. В прекрасных голубых глазах девушки на секунду вспыхивает ответный отблеск затаенного внутреннего пламени, но тотчас же гаснет. «Бубна» – растерянно и смущенно произносит она. «Пика» – мрачно бросает Сидор и, молча отвернувшись к стене, с тоской смотрит на кинжал. Опыты по телепатии они проводят уже не первый год, иногда по несколько сеансов в день, но *ни разу* еще не была правильно угадана даже масть карты...

Внезапно раздается звонок (это понимают и зрители, которые видят надпись «дзинь – дзинь, динь – дилинь»).

Один из нехороших людей бежит к двери, другой бросается к телефону. Больше повезло Петру. Сняв трубку, он узнает о начавшихся в городе жутких событиях, развитием которых зритель давно уже ошеломлен. В

кратких, но энергичных выражениях Петр рассказывает о них возвратившемуся от двери Сидору. Но недаром Сидор получил хоть и провинциальное, хоть и ненужное, но все же университетское образование. (Не скроешь от зрителей и того факта, что образованный злодей много опасней необразованного!). Поэтому он тотчас схватывает суть дела. Эта записка мощнее любого парансихотелевзрыва. К сожалению, это понимает не только он. Из передачи радиостанции «Вольная Гренландия» о записке пронюхали и головорезы из Пенталгина. Но и без того растревоженному зрителю не нужно знать об этом. Не знают об этом и наши плохие люди, и потому они не станут на скользкий путь предательства, а пойдут своим плохим путем.

Однако этим отступлением мы дали время сообразить и Петру. Он загорается от идеи Сидора, как от спички, и с нехорошим чувством предвкушает: «Мы должны завладеть запиской в своих корыстных целях». Но Сидор, видимо, обладает феноменальной способностью постоянно видеть на полшага дальше Петра и поэтому язвительно роняет: «Но прежде мы должны рассказать обо всем шефу».

И негодяи, прикрыв лица большими темными очками, отправляются на розыски своего старшего партнера.

Выйдя из подъезда во двор, они осматриваются. Все вокруг: деревья, стены, крыши зданий и сам воздух – светится странным, желтовато-пепельным светом. Над головой мрачно нависают свинцово-серые тучи. Кажется не дождь, а сама смерть сейчас обрушится на город...

Во дворе – лишь бабушки на лавке и немногочисленные жильцы бегущие мимо них в свои квартиры. Напротив подъезда, в огороженном небольшим забором деткомбинате «Клубничка», несколько малышей угрюмо роют ямки в песочнице.

Вдруг Петр замечает, как из-за домов поднимается густой дым, и негодяи, спеша и толкаясь, устремляются туда.

На тротуаре центрального проспекта, возле большого книжного магазина, прислонившись к дереву, стоит еще далеко не старый человек с дымящейся сигаретой «Кавказские минеральные воды» в зубах. Она-то и помогла негодьям найти своего партнера. Но курение еще не самая отвратительная его черта – ибо сразу бросается в глаза (особенно, если вы умеете читать!), что это очень плохой человек. У него некрасивая темно-рыжая борода, – поэтому назовем его Рэкс. (Может быть не всем зрителям понравятся имена Петра, Сидора и Рэкса, а иные махровые киноманьяки, возможно даже, к концу фильма поймут, что эти имена не совсем соответствуют характеру героев, – в таком случае пусть они называют их как хотят. Мы же считаем, что, в конце концов, можно привыкнуть и к таким именам).

Теперь надо сказать о том, что Рэкс уже не первый день стоит на панели. И его, с одной стороны, понять не сложно – он наблюдает за проходящими мимо девушками! Но, с другой стороны, его трудно понять – так как понравившимся ему особам он во весь голос предлагает всего лишь сниматься в каком-то фильме, явно скрывая за этим вполне безобидным предложением еще не вполне ясную, но несомненно коварную цель. Одну девушку он уже соблазнил и обманул таким образом – мы видели ее совсем недавно на экране. Однако сегодня удача не сопутствовала негодяю (да и почему плохим людям всегда должна сопутствовать удача?!): по опустевшему проспекту почти никто не ходил.

Итак, кинокамера настигла наших отрицательных персонажей в момент их встречи между собой. Петр и Сидор наперебой рассказывают Рэксу свои коварные планы. Но Рэкс умен, чертовски умен. И потому он ясно понимает, что суметь разыскать записку и найти достойное применение этому таинственному листку может только такая голова, как его. Он прощается с друзьями и в опустившихся на город сумерках возвращается домой.

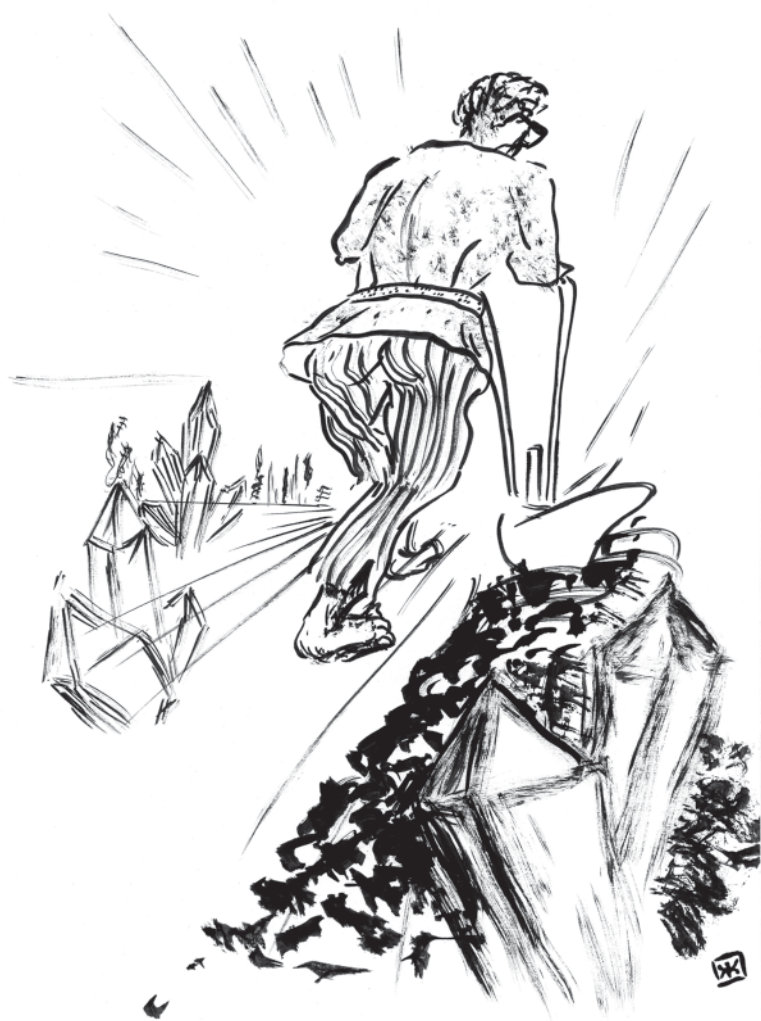
Девушка открывает ему дверь. «Ситуация изменилась. Скоро начнутся настоящие съемки», – на ходу бросает он ей, проходит в свою комнату, запирается на ключ и внимательно прислушивается. Но все тихо. Девушка, видимо, уже уснула. Рэкс садится за свой стол, достает какие-то потертые, исписанные тетради, что-то тщательно вычеркивает и исправляет в них, затем всерьез задумывается. И еще долго сидит он за столом, в едва освещенной тусклым светом лампы глубине ночи, и разрабатывает в своей коварной голове злодейские, нехорошие планы. Тьма на дворе, предмогильная тьма...

А в это самое время хорошему человеку Тентину Ивану Александровичу* снится хороший сон. Вернее, это если со стороны посмотреть, так сон, но ведь со стороны никто и не смотрит, а изнутри взглянуть – явь!

Лениво лижут берег языки моря, вот два облака, обнявшись, проплыли в вышине, – внизу, под небом, среди моря, задумчиво стоит Иван. Рядом с ним его верная подруга – соха, под ногами – необитаемый Остров. В стеклах очков Тентина отчетливо отражаются и бескрайнее море, и высокие облака, и густой кипарисовый лес. Взгляд его спокоен. Да и чего волноваться – ведь не первый год он на Острове, привык! Но вот подул ветерок, тень задумчивости слетела с лица ученого, он поднял голову, озарился солнцем и бодро налег на соху... Развороченные прямые пересекли поле – умело, будто карандашом под линейку, кладет борозды Тентин. Потом на миг останавливается, поправляет очки и зорко, по-хозяйски окидывает взглядом Остров – хороша подложка!¹ И еще крепче налегает на соху...

Так вот изо дня в день в простой холщовой рубаше ходит за плугом, выращивая кристаллы, хороший человек

¹Почва для выращивания кристаллов (физический жаргон).

Тентин. И уже видится Тентину, как его труд приносит плоды, как, вначале маленькие, посеянные им кристаллики, постепенно вырастают в большие прекрасные кристаллы, которые потом распускаются и благоухают. И вот уже по кристаллическому саду, в опускающихся на Остров голубоватых сумерках, пропитанных мягким, струящимся от ростков светом, гуляет Тентин с кристально чистой девушкой и вслух читает ей избранные места из книги «О зарождении кристаллов на подложке».

Жаль только, что этого не видит зритель. Он замечает лишь, как иногда наш спящий положительный герой ищет на тумбочке очки, чтобы получше рассмотреть кое-какие детали своего привычного сна. Иногда он на минуту пробуждается, что-то записывает, и зрители верят: записывает он что-то очень полезное и хорошее.

Утром хороший человек просыпается и приступает к чтению книги «О зарождении кристаллов на подложке». И по тому, что читается ему легко и радостно, становится ясно, что он еще ничего не знает. Вдоволь начитавшись дома, идет Тентин на улицу, захватив с собой более легкую книгу, предназначенную специально для прогулки. Так, изучая и на ходу конспектируя ее, он спускается по лестнице и, насвистывая новую симфонию Шостаковича на слова Александра Иванова, продолжает по улице свой нелегкий путь к вершинам знания.

Но мало кто, из недавно вставших на этот тернистый путь, знает, сколько подводных течений и бурь уносят и бросают на мель смельчаков, дерзнувших вступить на него. И пусть же история, случившаяся с Тентиным, послужит достойным уроком всем, кто вздумает направить свою жизнь по столбовой дорожке к знанию.

Итак, переводя свой сосредоточенный взгляд ученого из книги в конспект, наш положительный герой совершенно случайно увидел красивые женские ноги.

«Что это?» – с изумлением подумал молодой ученый. «И почему оно волнует меня больше, чем даже доказательство формулы (1.23) из учебника?!» Тентин решил попристальнее взглядеться в понравившийся ему предмет. Перед ним шла юная стройная девушка. Чтобы разобраться объективней в этом интересном явлении, наш герой взглянул на нее еще раз и... влюбился. Да и кто из нас не был молодым?! Кто из нас не испытал это чудесное умонастроение, при котором не хочется ни есть, ни пить? И нашему герою тоже сразу расхотелось и есть, и пить, и читать свою любимую книгу, а захотелось ему без конца смотреть на чудесное зрелище, развернувшееся перед ним. Он все шел и шел за прекрасной девушкой, и ему хотелось идти за ней долго-долго, всегда.

Но вдруг случилось непоправимое. Проходя вдоль какого-то коридора, Она неожиданно открыла небольшую боковую дверь и скрылась за ней. Тентин, идущий следом, автоматически свернул туда же, но неожиданно увидел на захлопнувшейся перед ним двери непреклонную надпись «Ж».

... Долго стоял потрясенный Тентин перед своей разбитой о прозу жизни любовью. Да и кто из нас не испытывал тяжелой горечи обманутой любви? Тяжко было и Тентину. Было тяжело его ногам, его груди, но всего тяжелее было его большой и светлой (изнутри) голове. Такого у него еще никогда не было. «А может быть просто увеличилась сила тяжести?» – внезапно подумал ученый. От этой мысли ему стало легче. Другой, не Тентин, этого бы не заметил, но мозг ученого действовал четко и логично. «Так значит постоянную тяготения можно изменять?! Но ведь тогда, тогда»... – радостно перехватило дыхание, отдалось в сердце, эхом отозвалось в душе, защекотало в носу – Тентин достал платок и высморкался. – «Да, тогда можно будет осуществить мечту юности – вырастить Большой Голубой Кристалл, который сделает всех людей

на Земле, и его тоже, и Ее, и их вместе – счастливыми». Но сначала нужно поточнее справиться обо всем в учебнике. Быстрее же к ней, неповторимой и единственной во всем городе – Самой Главной Книге*. В Центральную Библиотеку!

Так самый несчастный человек в мире отправился делать людей счастливыми. Он вошел в троллейбус, скромно вынул из кармана проездной талон, просто, не задаваясь, закомпостировал его и тихо сел тут же у окна. Могли ли знать находившиеся в троллейбусе немногочисленные безразличные люди кто едет рядом и дышит одним с ними спертым летним воздухом?

Надо сказать, что Тентин с детства любил людей. Он любил украдкой наблюдать за ними, бесцельно шатающимися по улицам, из окна своей высокой квартиры. И теперь он смотрел на них, снующих по своим суетным делам за окнами мчащегося в библиотеку троллейбуса и от всей души желал им здоровья, счастья и успехов в семейной и личной жизни. Он сделает их счастливыми. Да-да, именно их. Вот этого мужчину с маленькой головой, читающего очередную статью Евг. Евтушенко в «Футбол-Хоккее», вот ту толстушку с бесцветными глазами, рассказывающую сзади нервным шепотом какие-то глупые сплетни, вот этого человека, только что севшего рядом, который, кажется, обращается к нему.

Тентин вынырнул из пучины своих дум, повернул голову налево. Но что это?! Счастлив человек, читающий эти строки, ибо увидевший все это в кино окаменел бы от неслыханного изумления, его сердце разорвалось бы от неожиданности.

Удивился и Тентин. Нет, это не то слово – он очень удивился. Слева от него, на том же кресле сидела Она. Но Она не просто сидела рядом, Она смотрела на него, Она говорила с ним: «Пробейте, пожалуйста» – еще раз повторила Она, протянув ему свой белый, как снег, талон

и улыбнувшись той нежной улыбкой, которая придает умным и хорошим юношам смелость, а глупые и плохие ее вовсе не замечают. Тентин ловко, двумя пальцами взял у Нее талон, быстро и элегантно закомпостировал и, когда уже возвращал его, вдруг почувствовал прикосновение ее пальца. О, что это было за мгновение! Огромные зеленые, оранжевые и даже голубые кристаллы запрыгали у него в глазах в дикой неупорядоченной пляске. Смешная фраза, оброненная когда-то, кем-то: «Остановись, мгновение, ты – прекрасно!», неожиданно возникла у него в голове. Он как-то сразу почувствовал, понял, что зашла Она в ту дверь для совсем другой, чистой цели, ну например, чтобы поправить прическу или платье. Сладкая необузданная храбрость, которая приходит лишь к настоящим мужчинам в самые критические секунды их жизни, ворвалась в его сердце, и он услышал свой голос: «Поедемте со мной». Она несколько удивленно посмотрела на него и резонно спросила: «Куда?». Ответ на этот вопрос Тентин знал превосходно: «В библиотеку!» Отвечая на ее недоуменные вопросы, он пояснил, что хочет Ей показать вовсе не журналы мод, но нечто во стократ более увлекательное и значительное. Он говорил это с такой убежденностью, с такой любовью к Ней и Науке, что через две остановки Она согласилась...

Тентин устало и довольно сидел, прислонившись к спинке кресла и поглядывая в окно. До библиотеки оставалось еще несколько остановок. Она сидела рядом и с любопытством рассматривала высокого балбеса в модных джинсах и смелое платье его спутницы. А распираемого во все стороны счастьем Тентина снова бросило в зыбь сладостных дум. «Я напишу эту работу, через несколько лет стану знаменит, обо мне будет говорить профессор Искандеров, и тогда я посмею прикоснуться к ее руке. Потом, лет через десять-пятнадцать, я может быть сам стану профессором Искандеровым, и тогда Она может быть

позволит погладить себя – и он посмотрел на ее горячие неуголенные колени – а лет через 30, если все пойдет хорошо, меня изберут членом Королевского общества и других хороших обществ. В этих обществах воспитанные и образованные люди, они любят науку и не будут обижать меня, как это делали лентяи из университета. Тогда он введет Ее в эти общества, посмеет предложить Ей руку и сердце. Она через несколько лет полюбит его, согласится и склонит к нему свою уже седеющую голову. Старость они проживут вместе и счастливо и умрут в один день».

От таких дерзких мечтаний, от ее близости и от троллейбусной духоты у Тентина закружилась голова, и он чуть было не проехал остановку. Но условный рефлекс, выработанный годами, не позволил ему проехать мимо библиотеки. У выхода из троллейбуса Тентин с галантностью, невестя откуда взявшейся, пропустил Ее вперед. Выходя, Она споткнулась о ступеньку, и балбес в джинсах помог Ей сойти.

Тентин и девушка, поднявшись по беломраморным ступенькам библиотеки, дошли до стола регистрации. Она еще не была там записана. Тентин с умилением смотрел на всю процедуру регистрации, на ее красивую маленькую руку, ставящую подпись в читательской карточке.

Они вошли в светлый читальный зал и сели за один стол. Тентин подозвал дежурную библиотекаршу и попросил принести сначала популярные и полупопулярные книги. Когда Она увидела эти книги, то нельзя было не заметить некоторого разочарования на ее лице.

«Ну, очевидно же – подумал Тентин – Она это знает. Надо начать с серьезных учебников».

Как изысканный гурман, он заказал самые лучшие, самые методические учебники. Но и они Ей показались скучными. «Ну конечно же – Она, видимо, недавно закончила университет и все еще помнит». И тогда он заказал последние монографии по чистым кристаллам. И когда их принесли, он с таким сердечным жаром объяснился Ей в

любви к этой важнейшей отрасли науки, что девушке стало жаль Тентина, Она примирилась и сделала заинтересованное лицо, вдохновившись которым Тентин с трепетом спросил библиотечаршу: «А Самая Главная Книга не на руках?» И какова же была его радость, когда на их столик принесли эту замечательную Книгу. Тентин кратко пояснил Ей, чего же он хочет и почему он будет великим. Ах, эта скромность! Ну почему же хорошие и умные юноши так много говорят девушкам о науке и так мало о себе? А ведь именно ими, честными, чистыми и умными, питается нынешняя наука*.

Тентин и девушка торжественно спустились вниз. «Не провожайте меня» – сказала она с такой любовью в голосе, что Тентин стал еще счастливее...

Упоенный этим своим неслыханным счастьем, Тентин шел по безлюдному вечернему городу. Он проходил мимо самого красивого в городе здания, сверкающего стеклом и белизной стен, мимо секции Всемирного Института Высших Исследований (ВИВИсекция), где работал и профессор Искандеров. Он шел по саду, который вырастили на пустыре вокруг здания благодарные горожане. Спустился в парк.

Вдали парашютная вышка впивалась своей острой верхушкой в темно-синее умное небо. И Тентин вспомнил свои темно-синие брюки, в которых ходил в университет, и кнопки, и другие острые предметы, которые подкладывали ему на сиденье парты лентяи и завистники. Ему стало жаль их и немножко себя, но только на мгновение. Теперь, ведь, будет все по-другому. Идея и Она слились в таком счастливом экстазе, что омрачить Тентина было теперь невозможно. Он был счастлив так, как если бы профессор Искандеров... нет, академик Буддолюбов сослался бы на его работу... нет, даже еще больше. Но авторитета, более признанного, чем Буддолюбов, Тентин не знал и поэтому не мог ни с чем сравнить своего чувства.

Быстро темнело. Поглощенный счастливыми думами, Тентин шел через парк домой. Но вдруг в темноте какая-то мысль ударила ему в голову. Нет, пожалуй, это была не мысль, потому что от удара у Тентина слетели очки, а без них ученый не привык думать. Ничего не видя, он бережно положил книгу на землю и стал шарить по траве руками, чтобы поскорее отыскать куда-то запропастившиеся стекляшки. Но без очков найти их оказалось не так-то просто. Под руки попадались то бутылка, то ветка, то какая-то гадость, то просто камешки. Один из них на ощупь показался таким приятным, что Тентин аккуратно завернул его в валяющуюся тут же бумажку и сунул в карман – уж не кристалл ли?

Меж тем очки все никак не находились. Чтобы передохнуть, Тентин немного распрямился и при этом опять пребольно стукнулся головой о какой-то предмет. Протянув руку в этом направлении, наш герой с изумлением нащупал... башмак. Как-то сама собой, инстинктивно, рука скользнула дальше и пошла вверх сначала по щиколотке, затем по колену, наконец, еще выше... Ужас, нечеловеческий чудовищный ужас пронзил все существо Тентина. Сомнений не было. Все это время над ним, в иссиня-жутком мраке, покачиваясь, висел еще не успевший похолодеть труп.

Страх намертво схватил Тентина своими мохнатыми лапами, стиснул его светлый мозг, судорогой отозвался во всем теле. Покрытое ледяной коркой ужаса, остановилось время. А потом, спустя бесконечность, когда вдруг бешено заколотилось в груди замершее сердце, когда упали тяжкие, сковавшие его цепи чужой смерти, – он опрометью бросился прочь от этого страшного места. Не видя ничего, трясясь и падая, как сквозь ужасный дремучий лес с кошмарными чудовищами и приведениями, продирался Тентин сквозь заросли городского парка. И его распаленному воображению чудилось, что это не он бежит, а мимо

него со свистом мчатся толпы мертвецов, толкают, хватают его за ноги, бьют по рукам, дергают за волосы, рвут одежду...

Лишь часа через два глубокой ночью весь истерзанный, в изодранной одежде, без книги и без очков, Тентин, наконец, попадает к себе домой. Только здесь, в привычной обстановке, среди своих верных друзей – книг, наш герой начинает приходить в себя. Он находит другие очки, берет самую хорошую, самую умную книгу и по несколько раз вслух читает из нее особенно важные формулы. Это ободряет и успокаивает его. Он подходит к другим добрым и умным книгам, ласково и любовно гладит их нежные корешки.

Постепенно ученый успокаивается. Все случившееся с ним представляется теперь просто чудовищным и страшным сном, который уже кончился, и теперь снова все хорошие люди на Земле, и он тоже, могут безбоязненно вырабатывать свои красные, желтые, зеленые и даже голубые кристаллы.

И вот уже под добрым и умным небом идет за плугом хороший человек Тентин. Впереди, рука об руку, идут его верные помощники, бывалые туземцы, – глубоко врезаются лямки плуга в их мощные, загорелые плечи, натужно вываливается из-под лемеха тугая, жирная подложка – сзади по свежей глубокой борозде идет Тентин, жмурясь от яркого солнца и удовольствия. Под ним, раскинувшись, лежит уже почти готовая под посев плантация голубых кристаллов. Содрогаясь от любви, окидывает взглядом Тентин ее огромное, добротное, черноземное тело. А неподалеку, в хижине под вечнозелеными большими кипарисами, радостно ждет Тентина с пахоты чудесная девушка, но уже не та, давешняя, что приснилась ему вчера утром, а реальная, из прекрасного незабываемого сна, который наяву случился с ним сегодня. Черной тучей вынырнуло

на мгновение то страшное, что случилось на исходе дня, но тут же растаяло – и снова теплая волна счастья подхватила Тентина и унесла далеко-далеко, к манящему, как мечта, желанному Острову, где когда-нибудь, в День из дней, озаряя кипарисовый лес неземным божественным светом, прекраснейшим во Вселенной цветком взойдет посреди поля Большой Голубой Кристалл! Там мы пока и оставим Тентина.

Меж тем, тот чудовищный нелепый сон, который так неожиданно ворвался в жизнь нашего героя, еще продолжался наяву. Зрители видят, как под покровом беззвездной ночи по городскому парку, крадучись, пробираются трое негодяев. Пронюхав о только что совершившемся самоубийстве, они хотят как можно скорее завладеть запиской...

Неясный свет расплывается из-под туч и тут же увязает в кронах деревьев, которые выдавливают в черной земле черные силуэты. Кажется, что все, что есть плохого в мире, сговорилось между собой в этот непомерно поздний час. И, может быть, именно поэтому плохие люди не боятся того, что так пугает людей хороших.

Во всяком случае, наши негодяи уверенно крались к зловещей цели. Вот они достигают места, где произошла трагедия. Подсвечивая себе спичками, негодяи обшаривают каждый квадратный миллиметр лужайки. И вскоре они натапливаются на книгу и очки, печально лежащие на траве. Еще раз осматривая висельника, негодяи убеждаются, что эти предметы не имеют к нему никакого отношения. Откуда они?

Отыскать же записку все никак не удастся. Негодяям становится ясно, что их кто-то опередил. Встревоженные таким поворотом событий, они поспешно направляются домой, чтобы повнимательнее рассмотреть улики – предметы, забытые человеком, посмевающим так дерзко

их провести. Кроме того, им хочется спать. Поэтому так и оставим их, уже сонно бредущих по улицам ночного города.

Но в эти самые часы, рассказ о которых так потряс девственное воображение зрителя неподготовленного и заинтересовал матерых киноманов, в том же городе дышало, думало и было любимо нежное существо, покинутое нами идущим одиноко из библиотеки в сторону противоположную нашему герою. Пусть же зритель отдохнет от напряжения кошмарных сцен и насладится девушкой, идущей домой своими стройными ногами.

Она идет по широкому проспекту, сворачивает в узкую улицу, оттуда в подворотню и входит в мрачное здание. Она поднимается по широкой и грязной лестнице, заходит в комнату, в которой зритель с отвращением узнает притон негодяев. Повторим известную истину о том, что читать книгу лучше, чем смотреть ее экранизацию. И действительно, в то время, когда зритель уже понял, что Тентин влюбился в ноги и душу девицы из этого самого притона, читатель пребывал в сладостном неведении, думая, что вот хоть в кино есть красивая, чистая и хорошая девушка.

Но было бы жестоко разочаровывать в жизни нашего терпеливого читателя. Заодно порадуем и зрителя. Наша героиня после встречи с Тентиным уже не прежняя девица. Что-то новое зародилось после этого свидания внутри нее, зародилось и разрасталось с каждым часом, с каждой минутой. Она не вошла – вбежала в комнату, порывисто распахнула окна и остановилась у зеркала. Всего несколько минут Она с ненавистью смотрела на свою мини-юбку, затем решительно сорвала ее, быстро достала свой деревенский сундучок и переделалась в простое ситцевое платье, которое, хотя и скрывало колени, но великолепно обнажало ее душу с многочисленными чистыми источниками. Она стерла с себя случайные черты косметической

наносной красоты, и вот уже зрители видят ее прекрасное простое лицо деревенской девушки с кротким нравом и гладкой кожей.

Экран постепенно меркнет, затем разгорается вновь, и зрители видят ту же девушку в той же позе.

Несколько часов просидела Она, не сомкнув глаз, перед зеркалом, любуясь изменением своего внутреннего мира.

Неожиданно чистую гладь зеркала, в которой светилось ее лицо, замутили какие-то фигуры. Это вернулись негодяи. В руках у них книга, конспект и очки. Они шатаются и едва ворочают языком от усталости, но все же замечают перемену в облике своей недавней сообщницы. Девушка, увидев часть того, с кем Она была близка еще так недавно, крикнула, широко распахнув свои уставшие после бессонной счастливой ночи глаза: «Вы убили его!» И, ударившись головой о зеркало, упала без чувств. (В этот момент Ей явился Тентин. Он гордо стоял среди фейерверка в морской форме).

«Все ясно!» – подумал Рэкс. И в его темной преступной голове созрел ясный преступный план. «Я дам понять, – подумал Рэкс, – что ему грозит смертельная беда, и она захочет спасти его. Она подумает: надо быстрее бежать, предупредить его, рассказать ему о грозящем. И тогда...» Рэкс гадко рассмеялся. «Тебе придется остаться дома, детка, на дворе сыровато, а нам еще предстоит серьезное дело», – некрасивым скрипучим голосом сказал он. (Зрители, конечно, разочарованы тем, что Великий Немой так скверно начал говорить, но они должны надеяться на прогресс техники кино и ждать, что оно скажет им еще много приятного*). И не успела красивая, уже чистая, девушка опомниться своей девичьей памятью, как негодяи привязали ее смуглые ноги к стройным ножкам телевизора. «Да не реви, не звери», – сказал Рэкс, включил телевизор, и негодяи не спеша удалились.

По телевизору идет очередная серия. Но, несмотря на это, девушку вдруг поражает страшная догадка: «Ему грозит смертельная беда! Надо быстрее бежать, предупредить его, рассказать ему о грозящем». Она распутывает опутывающие ее путы, решительно выключает телевизор и бежит.

Девушка не знает дома, где живет Тентин, но путь Ей указывает ее любящее сердце – самый надежный компас при любых магнитных и житейских бурях. Такого сердца не было ни у одного из трех негодяев, они не любили Тентина, но они были хитрые, подлые и нечестные люди, и они воспользовались чужим любящим компасом.

Зритель видит на экране прекрасно бегущую девушку. За ней идут негодяи. Девушка бежит еще быстрее и прекрасней. Негодяи тоже прибавляют шаг. Ранние прохожие удивленно, испуганно и осуждающе смотрят на бегущую девушку. И понимающе, с сочувствием и улыбкой смотрят на трусящих негодяев. Зритель чувствует несправедливость и, любясь самоотверженностью девушки, думает о том изящном белом камне, который Она положила в дорогу, ведущую к аду. (Кстати, есть мнение, что строительство этой дороги, вымощенной благими намерениями, будет в ближайшее время завершено). В такт этим своим глубоким и правильным раздумьям зритель может любоваться прекрасными дорогами Москва – Дубна, Новосибирск – Академгородок, Киев – Феофания с угадывающимся вдали красивым архитектурным шедевром. Но взволнованное лицо девушки, летящее вдоль бульварных акаций, возвращает его к нашему трудному сюжету.

Девушка подбегает к стеклянному, похожему на дворец, дому и впархивает в него. Запахавшиеся из-за своего плохого от алкоголя и черствости сердца, негодяи резко останавливаются перед входом с вывеской «ДАМСКИЙ САЛОН». Они прячутся среди снующих мимо прохожих и несколько часов терпеливо ждут, когда девушка будет

готова открыть путь к осуществлению их зловещей цели.

И вот Она появляется. Такая же красивая, чистая, но уже причесанная. Только такой Она может, Она хочет, Она войдет в дом любимого человека. И Она идет туда. Негодяи, ловко скрываясь, следуют за Ней.

Однако мы, боясь упустить из виду персонажей отрицательных, оставили в одиночестве нашего положительного героя. Меж тем, за это время случилось то, что рассвет, как всегда неожиданный, наступил, и как бы мы ни торопились, застанем Тентина уже озаренного первыми чистыми лучами солнца.

А надо сказать, что видел в это время Тентин странный сон. Привиделось в утренний час хорошему человеку и не то, чтобы нехорошее и не то, чтобы хорошее.

Будто стоит он, как всегда, на поле, на соху опирается. Обидно ему. Ведь и вспахал подложку как следует. Не так, как лентяи какие-нибудь сделали бы, а как надо вспахал, аж четыре раза холщовые рубахи менял, так потом обливался. Но вот беда какая – неурожай случился. Хоть поля всего и не видно – густой туман с утра, но с краю, где осмотрел уже, взошли кристаллы все один к одному – маленькие да серые. Увидел бы такие кристаллы старый добрый учитель Травцов, так он, подумать страшно, и четверку по любимой дисциплине влепил бы, а уж если Главный Любимый Учитель Искандеров увидит, то... – даже во сне у Тентина закружилась голова – то..., то... А потом посмотрит на него ясными и умными, как на портрете, много повидавшими, все понимающими глазами и спросит: «И на какой же такой подложке у вас кристаллы эдакие произошли?» А подложка-то, что ни на есть самая отличная – Остров Счастья Необитаемый. И земля мягкая да рыхлая, водным раствором формул хорошо удобренная.

А тут еще как назло, завистник и гордец Семаков, однокашник бывший, на Острове объявился. И говорит

ехидно так, будто сам профессор Искандеров: «Ну что, опять некачественным раствором удобрил?» – а сам за это время два кристалла на поле выгоптал. Смолчал на этот раз Тентин, сдержался, только ответил Семакову, что дурак он, чтобы последнее слово за зловредным не оставить. А тот опять за свое – не один мол ты на необитаемом Острове, что такое большое поле под кристаллы занял, дескать, общий это остров. Аж поперхнулся Тентин от такой дерзости – как же это общий?! – ведь Остров-то ему лично снится. А Семаков на эти мысли и отвечает: «Не тебе одному Остров снится, здесь все наши собрались». Опять смолчал Тентин, только сунул руку в карман и свой палец большой двумя другими крепко стиснул. А Семаков вроде не заметил ничего и еще больше расхвастался. Говорит, что если взять да засеять такую подложку элементарными частицами, то вроде такой урожай собрать можно, что не только какие-то голубые кристаллы вырастут, а вообще весь растительный и животный мир, вся флора и фауна, и так уж захвалился, разгордился так – вся Вселенная, говорит, что из элементарных частиц складывается, вырастет.

А кому нужна, спрашивается, та Вселенная, прок от нее какой? Да для этого пустого дела никто и острова Счастья не даст хорошего, необитаемого. Другое дело – Кристалл Голубой. Он и голубой, и тело твердое – в хозяйстве любом согдится и счастье людям принесет. Под него сколько угодно земли на острове отведут, лишь бы вырос только.

Глянул тут Тентин на поле, да так и застыл. Туман поднялся, и за этим приоткрытым занавесом его изумленному взору открылось все поле, а вдали на нем переливающийся всеми цветами радуги большой расцветший кристалл. Еще, правда, не Голубой, но все же большой и красивый.

Радость Тентина была так велика, что захотелось ему устроить большое празднество, на которое он пригласил бы

и богатых и бедных туземцев с острова. И еще, неплохо бы, академиков и профессоров – весь народ. Кристалл стоил того! Прямо здесь, на поле, он расставил бы столы, и на этом бесшабашном празднике познания и торжества истины, на этом невиданном пиру, он самолично обносил бы гостей блюдами с еще дымящимся, сочным бычьим мясом и армянским коньяком.

Огромная волна радости, накрывшая Тентина, немного схлынула, и он увидел себя окруженным большой толпой народа – тут были и профессора, и преподаватели, и знакомые туземцы, но большинства Тентин не знал. Откуда-то тащили большую черную доску, расставляли лавки, стулья, парты.

И вот уже Тентин у доски перед всеми людьми Земли ответ держит: как, да отчего такой у него красивый кристалл вышел, и почему он, Тентин, выбрал этот тяжелый, непроторенный, но почетный научный путь. И ладно, друг за дружкой, красивым розовым мелком начертанные, укладываются на доске формулы из учебника, а вот сейчас самую главную, все доказывающую запишет, вот сейчас, сейчас... Но тут звенит звонок и сбивает его, – уже конец лекции, – а надо обязательно записать эту основную формулу, иначе... – он уже видит укоризненный взгляд преподавателя, а проклятая формула все никак не вспоминается и не вспоминается... Видит Тентин, как однокашники, сидящие на первых скамьях, что-то ему громко подсказывают, весь он превращается в огромное, чуткое ухо – но настырный звонок заглушает шепот.

Это звонит телефон.

Тентин просыпается и хватается трубку. По телефону узнает он об ужасных новостях, которые будоражат город. Мрачной волной захлестывают его события вчерашней ночи. Только один светлый лучик gleет в его душе – уж не кристалл ли подобрал он, разыскивая очки во время вчерашних злоключений? Ученый тянется к камешку,

который впопыхах положил ночью на стол без предварительного анализа, и видит, что тот завернут в бумажку, на которой что-то написано.

Тентин застыл, как вкопанный. Леденящий ужас охватил не только его душу, но и тело. Чтобы не простудиться, он достает из-под подушки бутылку «Экстры», что третьего дня припас для грузчиков, которые должны были погрузить книги, подаренные библиотеке, и впервые в жизни хлебает эту мерзость.

Приятное тепло пронзило все излучины его души и тела, ужас прошел, мозг заработал трезво и логично.

«Что делать, господа, что делать?» – четко и ясно со-знает ученый. Все его пытливое существо тянется к записке – развернуть, прочесть ее, законспектировать наиболее ценные мысли. Но он понимает, что этого делать не следует. Ведь тогда, после его смерти кто же вырастит людям Большой Голубой Кристалл? Кто сделает их счастливыми? Кто сделает счастливой Ее, вчерашнюю? Он представил Ее, обнаженную от всего наносного, злого, бытового и вообразил ее душу, прекрасную и чистую, как кристалл.

Но что же делать, что? Только один человек в состоянии помочь ему выйти из этого гигантского противоречия между небытием и сознанием. И этот человек – автор роковой записки. Тот, кто виноват во всем. Уж он-то знает что делать. Но как найти его в этом городе, заполненном мириадами человеческих лиц? И все же мозг ученого работал быстро и безошибочно, как ЭВМ. Ведь тот, кто написал записку должен быть очень грамотен. И, конечно же, чертовски умен. А таких людей немного. А в городе и того меньше, совсем мало, уж он-то знает как мало – ну никак не больше одного. И при своем чудовищном уме этот человек наверняка знает какую формулу надо употребить, чтобы вырастить Большой Голубой Кристалл. Только вот как его найти?! Скорее же к любимому и главному учителю – он-то уж сможет подсказать, кто знает эту формулу.

...Кабинет профессора Искандерова. В центре огромный стол, выполненный под дерево. На нем букеты цветов, книги, деловые бумаги, письма. Это стол крупного ученого-администратора. Над столом портрет еще более крупного, но пока не рассекреченного ученого. У него ясный и умный, много видевший, все знающий и все понимающий взгляд. Направо, сколько можно окинуть взором, полки с умными и значительными книгами. Налево – специальные стеллажи. На них покоятся кристаллы, выращенные любимыми учениками и ученицами профессора. Последним бросается в глаза полированный столик, скромно стоящий в стороне. Здесь профессор выполняет самую большую и важную часть своей работы – здесь он думает.

Сам Искандеров стоит у окна, поближе к свету, рассматривая какие-то важные бумаги. Иногда он задумчиво и сосредоточено устремляет взгляд вдаль, чтобы, видимо, лучше запомнить наиболее существенные детали рассматриваемых объектов и схем. Внезапно раздается стук в дверь. Академик быстро прячет интересные открытки за самый большой кристалл, выращенный его любимым учеником И. Тентиным, и садится за главный административный стол. Входит Тентин. Учитель радушно встает навстречу гостю, подходит к полированной стенке, открывает ее секцию, достает оттуда обыкновенный, крепко сложенный табурет и садится на него. И от этого простого, деревенского табурета и сидящего на нем неказистого на вид человека с натруженными руками, усталыми глазами и шапочкой на голове, похожей на простую тюбетейку, повеяло таким теплом и уютом, что Тентин сел к учителю на колени и молча расплакался. И плакал до тех пор, пока Искандеров задумчиво ерошил ему волосы, заглядывая в его лицо ласковыми, но по-прежнему все понимающими глазами. Потом профессор тихо встал, напился из-под крана и медленно пошел вдоль книжных полок, пока и вовсе не скрылся вдали.

Через час он так же тихо и устало вернулся, положив перед Тентиным потрепанную рукопись с пожелтевшими листами. «Вот то, что тебе надо, сынок», – без напускной гордости сказал он и, теперь уже навсегда, скрылся в дали кабинета.

Тентин взглянул на раскрытую профессором страницу. Перед ним расстилалась вписанная чьим-то знакомым почерком формула. Сомнений быть не могло! Он сразу понял, что это та самая формула, ну разве без некоторых деталей, которую он искал – формула, которую надо употребить, чтобы вырастить Большой Голубой Кристалл, Формула Счастья. Но ведь согласно проведенному логическому анализу ситуации ее написал человек, сделавший ту ужасную запись, после которой уже бессмысленно жить! Так кто же, кто же автор этого труда? Тентин быстро открывает титульный лист. На нем надпись: «К вопросу о зарождении кристаллов на подложке – дипломная работа студента научного факультета Ивана Тентина».

И ученый вспомнил, как когда-то в одной университетской лаборатории, под руководством прежних хороших наставников Травцова и Манишина он выполнил эту совсем уже позабытую работу. Но ведь тогда выходит, что эту ужасную записку написал он сам. Но когда, когда?! Почему же он не помнит этого? А может быть... а все же ... а вдруг это ошибка? Вдруг это вовсе не он написал? Но логика ученого с беспощадностью отбрасывала один за другим варианты, ведущие к спасению. Разве не он самый грамотный в городе? Тогда кто же больше него любил, покупал и читал книги? Уж не завистники ли и лентяи из университета? Да они частенько и в лавку букинистическую заходить ленились, а если уж и заглядывали, то всегда после него, Тентина! А когда по уму сравнить? Да что там по уму, ведь перед ним вот на листе – формула Большого Голубого Кристалла, и написал ее он, Тентин. Да, логика неумолима! Но может быть формула неверна,

ведь там нет некоторых деталей, и тогда логическая схема рухнет, и вовсе не он виноват в этой ужасной записке. Поэтому нужно срочно проверить эту формулу. Скорее же домой, к учебнику!

Быстрее света (в среде) помчался Тентин к родному дому. Но бежал он аккуратно, следя за тем, чтобы не сбить кого-нибудь из людей, не зашибить их. Однако не обошлось и без происшествий. Так один раз он чуть было не налетел на внезапно появившегося на его пути гражданина в больших темных очках и туфлях с ненормально толстой подошвой. «Елки-палки!», – матерно выругался Рэкс, следивший за бегущей впереди девушкой, и крикнул вдогонку ученому: «Еще раз мне попадешься, так всю жизнь на водителей автобусов работать будешь!» «А я и так всю жизнь на людей работаю», – со светлой горечью подумал Тентин. А тут еще вспомнилось, как совсем недавно на еще шумных улицах он потерял в толпе свой кошелек. Местная газета тогда поместила объявление: «С глубокой скорбью сообщаем о том, что отечественная наука в лице Тентина И.А. понесла тяжелую утрату». Но денег не вернули. Все это он отдал людям, может быть даже водителям автобусов...

Наконец и дом. Тентин вбегает в квартиру и жадно ищет учебник, который брал вчера с собой. Его нигде нет. Обессиленный напрасными поисками, Тентин достает носовой платок. Но в знакомый тембр на этот раз тревожно вплетался какой-то чуждый, но где-то слышанный звук. «Уж не заболел ли я?» – с беспокойством, но без трусости подумал ученый, прекращая процедуру.

Дверной звонок как обычно выводил звуки Эроико пьечере из симфонии 7-бис «Глубокая» одного всеми любимого, но малоизвестного композитора. Тентин быстро прячет записку в толстую детективную книгу, подаренную когда-то его однокашниками. (К счастью удалось приспособить эту ненужную вещь в качестве подставки для про-

зрачных кристалликов – они прекрасно смотрелись на голубой обложке).

Мелодия звучит настойчивей. «Неужели принесли пропажу?!», – с радостной уверенностью пронеслось в очищенном мозгу Тентина, когда он подходил к двери. И действительно, – о, безошибочная интуиция, выработанная годами ежедневных душевных усилий, – раскрыв дверь, Тентин увидел Любимую. Ее обложка почти не испачкалась, а после этой страшной разлуки она стала еще любимей и желанней. Тентин бережно прижимает ее к груди, так же бережно берет в руки свой конспект, в котором столько хорошего записано и столько еще предстоит записать, водружает на нос своего верного старого друга – очки, бросает вежливое «заходите» и открывает Любимую книгу на ее лучшей странице. Да! Так и есть – ничему написанному здесь та формула не противоречит. И... Он поднимает голову, чтобы сделать окончательный и неумолимый логический вывод, и замечает девушку, с которой они вчера были так близки в троллейбусе и библиотеке.

Зритель видит, что у девушки голубые, сложно уложенные волосы и трудноизгладимые следы салона на красивом, нежном и встревоженном лице. Зритель видит красивое, нежное и встревоженное лицо Тентина и понимает, что это – любовь.

А в это самое время в большом мозгу Тентина разыгрывается трехголосная fuga.

ТРЕХГОЛОСНАЯ ФУГА,

СОСТАВЛЕННАЯ ИЗ ДОСТОЙНЫХ, МУДРЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ И ТЕНТИНА, СЛУЧИВШИХСЯ У НЕГО ВО ВРЕМЯ КРИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЕГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ И НУЖНОЙ ЖИЗНИ.

Что же делать?

Что же делать?

Что же делать?

Это ведь я написал!

Это ведь Она написала!

Это ведь Она пришла!

Как же это я?	Как же теперь Голубой Кристалл?	Как же это Она?
Записка – моя!	Кристалл – мой!	Девушка – моя!
Эта записка опасней ружья и ядерного взрыва.	Голубой Кристалл будет прекрасен, как Она.	Она прекрасна, как Голубой Кристалл.
Господи, я ведь могу случайно прочесть или вспомнить текст записки!	Она любит меня, а я люблю Ее, как Голубой Кристалл, и Голубой Кристалл, как Ее!	Наверно, не было, да и не будет даже в кино такой прекрасной кристальной девушки!
Есть только один выход: уехать с запиской как можно дальше, пусть даже на периферию, пусть в Сибирь, чтобы спасти человечество от своей страшной тайны!	Есть только один выход: уединиться, положить себя на труд и сделать, наконец, человеком счастливым!	Есть только один выход: взять Ее с собой!
Надо же, такая назойливая муха, и зеленая вся – откуда она взялась?	Надо же, такая назойливая муха, и зеленая вся – откуда она взялась?	Надо же, такая назойливая муха, и зеленая вся – откуда она взялась?
На самый край земли!	Но я не имею права брать Ее с собой – Ей будет грозить опасность!	Ну куда я с Ней поеду? Да и билета на Нее нет.
«В жизни всегда есть место подвигу!»	«Вечная слава героям!»	«На позицию девушка провожала бойца».

Итак, решено: немедленно уезжаю!	Итак, решено: жестокая, несправедливая разлука!	Итак, решено: я буду мечтать о Ней и там.
Судьба – злодейка!	Судьба – индейка!	Индейка – злодейка!

Вот такое разыгрывается в большом мозгу Тентина в тот миг, а сам он одновременно смотрит на глупый детектив, в котором лежит страшная записка, косит на удивительные ноги любимой девушки и мысленно пробирается в ее лобную пазуху. Он честен и должен Ей сказать все сразу – так будет лучше. Он мужественно смотрит прямо в ее голубые, как кристалл, глаза и говорит чуть сдавленно: «Спасибо, что занесли». Девушка открывает рот, чтобы сказать что-то важное, но внезапно снова звучит вышеуказанный отрывок из вышеуказанной симфонии. «Вам...» – говорит девушка. «Вам телеграмма», – слышится голос из-за двери. «Откуда, – думает Тентин, – может быть, Травцов хочет проведать своего оматерившегося птенца или академик Буддолюбков принял к печати в своем хорошем журнале его последнюю работу и спешит поздравить юного коллегу, а может, из Нью-Йорка?..» Но кто может послать телеграмму из Нью-Йорка Тентин не успевает догадаться, как уже пропускает в квартиру трех незнакомцев. На них страшные маски вратарей профессионального хоккея. Тентин предлагает им тапочки и, пока они переобуваяются, думает, кто бы мог это быть. «Наверно, грабители, раз в масках, но что у меня грабить?» И здесь его взгляд падает на знакомые туфли с очень толстой подошвой. «Надо извиниться», – краснеет Тентин и уже собирается сделать это, как вдруг девушка бросается вперед, закрывая Тентина своей высокой, но чистой грудью. От сильного броска стопка книг рушится. Детектив раскрывается и из него выпадает записка. «Они могут прочесть», – мелькает в большом мозгу Тентина. Он мигом поднимает с пола записку и, не продезинфицировав, съедает ее.

От столкновения лицом к лицу с героизмом хорошего, нет теперь, пожалуй, очень хорошего человека, негодяи столбенеют. «Это плохие люди, – говорит девушка, – очень плохие». Тентин верит в людей, но еще больше верит он любимой девушке. Ученый приносит из кухни, где стоит ЭВМ, ворох уже не нужных перфолент, ловко плетет из них канаты, которыми девушка связывает остолебеневших негодяев. Бантики узлов на них напоминают Тентину проклятые подарочные наборы, в которых, как в тюрьме, лежат хорошие книги.

После того, как негодяи обезврежены. Тентин и девушка берутся за руки и идут навстречу заходящему солнцу. Подойдя к окну, Тентин показывает девушке на город: «Я ухожу, чтобы спасти все это!» Девушка теряет чувства. Тентин тянет Ее к дивану. Сам же вытряхивает содержимое сигаретной коробочки «Кент». (Ее он получил в нагрузку, сигареты выбросил, а коробку приспособил под копилочку). Затем он достает Всемирный Всетранспортный Проездной Пожизненный Студенческий Билет, который ему выхлопотал из финансовых соображений Институт, кладет в голубую авоську Любимую книгу, конспект и бутылку водки (в крайнем случае – отравится), ставит около девушки флакончик нашатыря, нежно вырывает у Нее на память прядь и скромно уходит.

В последний раз обводят зрители взглядом опустевшую без хозяина комнату, поверженных негодяев, замечательные книги, безмятежно лежащие на полках, удачно упавшую девушку, любуясь не столько ее случайно обнажившимися ногами, сколько прекрасной и чистой душой.

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ.

**КОНЕЦ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ**